

<https://regnum.ru/news/innovatio/3352317.html>

Ословленная жизнь (Памяти Светланы Семеновой)

Москва, 24 августа 2021, 20:32

Светлана Семенова

Исполнилось 80 лет со дня рождения историка русской мысли, литературоведа, философа Светланы Григорьевны Семеновой. Ее трудами в российскую культуру было возвращено наследие Николая Федорова, автора «Философии общего дела» — не только как важнейшее звено гуманитарной истории, но и как основа создания образа будущего. Проблема фундаментального выбора цивилизации звучала в философских работах Семеновой, в ее исследованиях о философии космизма и ее главных фигурах — Федорове, К.Э. Циолковском, В.И. Вернадском, А.Л. Чижевском, П. Тейяре де Шардене. Светлана Григорьевна писала о художественной философии русской литературы, раскрывая образы мира и человека в поэзии Пушкина,

Лермонтова, Баратынского, Тютчева, представляя и уча понимать «высшую идею существования» Достоевского, Толстого, Чехова, Горького, Леонова, Платонова, Распутина, Кима и др. Она подчеркивала, что Россия, «страна-континент, средостение и посредник двух миров — Востока и Запада, должна предложить идею нового собирания и взаимодействия народов земли, противопоставив «идеалу неолиберальной, индустриально-экономической, секулярно-неоязыческой глобализации... проект еще более глобальный, планетарный и космический — реализацию идеалов ноосферы, активного христианства».

Много времени и сил Светлана Семенова отдавала просветительной деятельности. Ее трудами был создан Музей-библиотека Н.Ф. Федорова в Библиотеке № 180 ЦБС ЮЗАО, ныне получившей имя философа-космиста, куда она передала и часть своей книжной коллекции. Она руководила философским семинаром по изучению и развитию идей Н.Ф. Федорова, была одним из организаторов и ведущих участников Международных научных чтений памяти Н.Ф. Федорова, выступала с публичными лекциями.

*В память о Светлане Семеновой **ИА REGNUM** публикует статью доктора филологических наук, профессора **Евгения Костина**.*

*** * ***

Когда-то, еще в раннем детстве, будучи, как все в семье, крайне увлечен любой книжкой, какая только попадалась под руку — и было не столь уж важно, о чем она, с картинками или без них, толстая или тонкая: самый вид книги, ее обложка, шрифт, запах, вес казались чем-то важным и необходимым, тогда же и возникло то таинственное чувство, не очень понятное для ребенка, что слова каким-то образом замещают реальность. Но сами книги казались делом чуть ли не более серьезным, чем текущая жизнь за стенами дома.

Очевидно было, что книги надо читать, их надо любить, в них рассказывались какие-то поразительные истории о людях, которых ты никогда не увидишь, открывались миры американских индейцев, смелых и отважных путешественников и изобретателей Жюль Верна, пионеры по имени Тимур или Васек Трубачев становились необычайной реальностью, и были такими же живыми и близкими товарищами, как и ребята из соседнего двора.

Кто, зачем, для чего придумал книгу, почему их было так интересно читать, детское сознание, конечно же, не задумывалось. Это была какая-то важная добавка к твоей жизни, которая внешне не должна была быть обязательной, но она такой была. Страсть к чтению, превратившаяся потом в профессию, несла, однако, в себе какой-то червячок сомнения в серьезности этих выдуманных миров при встрече с книгами, которым отчего-то не верилось. Там, правда, были свои скрытые ходы и пласты, которые со временем открывались и потрясали — от первых, с замиранием духа слежений о путешествиях и приключениях, поведения и переживаний героев, до восприятия необычайно чувственной стороны текста книг — как сейчас помнится первое замирание сердца, с которым воспринималось описание женской красоты, поцелуев героев.

«Образование чувств», о котором писал Флобер, через книгу было гораздо убедительнее и сильнее, чем жесткие и примитивно-конкретные уроки сексуальности и полового просвещения, которые преподавали во дворе старшие по возрасту пацаны.

Отчего-то все это вспомнилось, когда я стал заново перелистывать и перечитывать книги Светланы Семеновой, понимая, что к ним уже никто не добавит ни строчки, и список их будет именно таким, каким она его оставила нам. Правда, теплится надежда, что в архиве сохранились неизданные страницы ученого, и они могут еще увидеть свет.

* * *

Память и смерть. Или наоборот — смерть и память. Кто теперь будет знать, что еще хотела и должна была сказать и написать Светлана Семенова? Беднее ли мы стали об этого? Конечно, но как и насколько?

Какие мысли влекли Георгия Дмитриевича Гачева через железнодорожный переход, что он не слышал и не видел электропоезда? Какой силы была эта мысль? Бог весть...

Вообще, это трагически важная в культуре тема — оборванные пути мыслей, невыговоренные слова, повисшие в пустом безжизненном пространстве концепции. Страшно представить себе этот — недо воплощенный в слове — мир, который ушел от нас со смертью Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Байрона... Странно и страшно вообразить себе некую благостную картину, что данный каждому из них, ушедших несправедливо рано, дар оказался полностью реализованным, и творец канул в небытие, все исполнивший и все задуманное воплотивший. Тем-то и трагична реальная история культуры и цивилизации, что линии гениальности обрываются, идеи не проговариваются до конца, теории не складываются — и все мы становимся другими, не такими, какими могли бы быть в случае исполнения всего ими, гениями, задуманного.

У Светланы Семеновой была удивительная связь с французской культурой, что резонирует с началом XIX века, когда и Пушкин, и Чаадаев, и князь Вяземский, томясь в непроговоренных еще возможностях русского языка, обращались напрямую к французскому языку, с его устоявшейся системой картезианского подхода и логической ясности. Пушкин сам неоднократно замечал в письмах, что переходит на французский язык для выражения нечто определенного, а во всем остальном он использовал силу «библейской похабности» русского языка, понимая под «похабностью» силу и прямоту высказывания в своей прямой бытийственности, которая и выше и жизненнее всех логических формул.

У Светланы Григорьевны в ее последних работах, особенно в книге о Шолохове раскрывалось это чувство русского языка, о котором замечал Пушкин, и она написала несколько удивительных страниц даже не столько по смыслу, сколько по стилю изложения. Не говоря, конечно, о всех открытиях, сделанных ею в этой книге о донском писателе.

В ней была скрытая культурная сила, без которой и ее тексты были бы совсем другими. Но главное в ней было (на мой взгляд) — это исконное русское свойство и чувство культуры, что, как ни странно, хорошо проявляется на семейной фотографии — она, отец и мать: спокойное русское отношение к жизни.

А тут же и вопрос о смерти, и именно в русском ключе: избавиться от нее, преодолеть ее. От этого сугубо оригинальная *федоровская* тема Светланы Семеновы, поставившая ее в ряд, не побоюсь сказать, — с ведущими русскими философами второй половины двадцатого века. Ее замечательные очерки и дневники, изданные в книге «Тропами сердечной мысли», столь различные с тем, *что* и *как* писал Георгий Дмитриевич Гачев, говорят именно об этом. Она заговаривает смерть, отказывается от нее, преодолевает ее в духовном порыве, мыслительном напряжении. В этих Дневниках немало места уделено постоянно переживаемому ощущению приближения конца земного бытия, ухода в иную реальность.

* * *

Первый раз я лично познакомился со Светланой Григорьевной, когда она приехала в Вильнюсский университет для участия в конференции по русской литературе. К слову сказать, тогда в 1996 году из многих заявленных крупных исследователей из России она приехала чуть ли не одна и выступила с принципиальным докладом «Высшие вопросы человеческого существования как сквозные проблемы русской литературы». Точнее нельзя и сказать о главном направлении всех ее работ в русском литературоведении. Хотя тут же необходимо заметить, что было бы неточно

и несправедливо обозначать поле, на котором без усталости трудилась С. Семенова, только как литературоведческое. В том-то и дело, что она синтезировала в своих подходах и философский дискурс, и литературоведческий, и лингво-стилистический, и исторический, да и публицистический. С этой точки зрения ее творчество, как и творчество Г.Д. Гачева, носит уникальный характер для русской гуманитарной науки второй половины XX и начала XXI веков.

Нельзя не сказать и об огромном впечатлении, которое она произвела тогда самой манерой чтения своего доклада, отклоняясь время от времени от текста и начиная витийствовать в самом прямом смысле этого слова. Точная, выверенная фраза, насыщенность нигде и никак не забывающей себя сложной мысли в многочисленных обертонах уточнений и отступлений, но победно прорывающейся к главной основной линии изложения.

Сама мысль была переполнена таким эмоциональным содержанием, что она начинала убеждать помимо самой своей логики, помимо аргументов. Это было прямым воплощением той мыслительной традиции, которая счастливо выжила в перипетиях советского догматизма гуманитарных штудий и сохранилась у А.Ф. Лосева, у С.С. Аверинцева, у А.В. Михайлова, у других выдающихся мыслителей. Сравнивая ее дискурс с манерой изложения Г.Д. Гачева, а это сравнение более чем уместно, тем более, что сама Светлана Григорьевна признавалась, что именно супруг «научил» ее столь бесстрашному нахождению на предельных пиках интеллектуализма, то необходимо заметить, оговаривая это сугубо личным впечатлением, что С. Семенова поднималась чрезвычайно высоко в своих просмотрах и русской мысли, и русского духа, и русской литературы. Ей в меньшей степени, чем Г.Д. Гачеву, был присуща оборачиваемость к каким-то *приземленностям* и объяснениям материалистического толка.

Она воплощала в себе и те необходимые для русской религиозно-философской мысли прорывы в мистическую метафизику, о которой в свое

время говорил Лев Карсавин. И это пленяло и убеждало чуть ли не больше, чем стройная логика изложения.

Светлана Григорьевна еще два раза приезжала в Вильнюс, в 1997 и 1999 годах, с докладами о философии и литературе в России XX века и о пушкинской философии любви и смерти в контексте русской мысли XIX—XX веков.

Мы немало времени проводили тогда вместе, на кафедре русской (славянских) литературы, в экскурсиях по православным храмам Вильнюса, в дружеских неформальных посиделках в стенах университетского кафе и беседовали обо всем, но главным образом о русской литературе и русской мысли. Поражала вот эта ее сконцентрированность на внутреннем постоянном обращении к главным, основным идеям, не отпускаящим ее ни на минуту.

В своей большой статье в «Литературке» о конференции 1997 года Борис Евсеев очень выразительно написал о выступлении Светланы Григорьевны как «громopodobном», имея в виду не громкость самого произнесенного доклада, но об ударе по потрясенной аудитории идеями, связанными явно с небесной канцелярией. На этой же конференции мы попросили ее пообщаться со студентами-магистрантами, и долго еще на отделении ходили уж совсем фантастические слухи о том, что и как нечто невообразимо сложное и одновременно понятное рассказывала им Светлана Григорьевна. Многих студентов эта лекция-беседа потрясла надолго, а многим и указала путь в культуре. Эта встреча, можно сказать, вошла в устную мифологию 200-летней истории русистики Вильнюсского университета.

Помню также ее глубокое погружение в себя при посещении Свято-Духова монастыря, при поклонении мощам виленских православных мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. И это явное, не показное, но органичное чувство религиозности также шло ей и было естественной ее чертой.

Мы как-то подружились, я подарил свою книжечку о Шолохове. И когда какое-то время спустя мы встретились в Москве, мне было приятно узнать, что она ей понравилась, и потом в ее книге 2005 года об авторе «Тихого Дона» я нашел несколько дорогих мне ссылок на свою работу.

И еще одно воспоминание. Уже уйдя из Вильнюсского университета по причинам не научным, но политическим, не желая своими руками разрушать то, что так долго и с любовью создавалось, я, время от времени, звонил Светлане Григорьевне, болтал о том о сем, пока не дождался от нее упрека, — куда же я пропал, когда тут затевается «такое» дело с «Шолоховской энциклопедией». Так что мое присутствие в этом издании безусловно связано с именем Светланы Семенович, о чем я не преминул рассказать в одной из своих работ об истории создания энциклопедии.

У меня хранится немало книг Светланы Григорьевны с ее надписями, пожеланиями. Написала она много, но ничего в этом написанном нет случайного. Жизнь человеческого духа, любовь, смерть, Христос, Россия, русская культура, судьба человека — никто, может быть, не высказался так подробно, как она, по всей повестке русской духовности в наши дни. У всех есть свои фрагменты — важные, глубокие, свой островок русского смысла, — но ей удалось охватить это целиком.

В последней ее книге о русской «сердечной мысли» просматривается уже и какой-то переход к художественному дискурсу. Именно она смогла бы написать книгу о русском Фаусте, о поисках правды в жизни, о сохранении человеческого в человеке. Масштаб ее личности удивляет. Если окинуть взором весь ее путь в науке — видим, что это не просто движение в одну сторону, углубление и проникновение в глубины еще непонятого и неисследованного, но осваивание русской мыслительной материи концентрическими кругами, захватывая все больше и больше пространства и двигаясь в разных направлениях. Ее опыт в этом отношении уникален.

В книге, которую она сама не раз называла самой главной в своей жизни «Тайны царствия небесного», есть главка, которая называется «Оправдание России». Мне очень дорог этот поворот в ее размышлениях, поскольку без этого органичного фундамента и чувства причастности к неким безусловным ценностям высшего порядка, связанным с жизнью твоего народа, отчизны, родной культуры, русского слова, невозможно ответственно и честно писать что-либо о человеке, его жизни и смерти.

Русская парадигма мысли Светланы Семеновой останется в русской культуре надолго, если не навсегда, так как ею был угадан и воспроизведен в рамках рационального мышления тот путь развития русской мысли, который если и не воспринимался (по крайней мере, в рамках западного сознания), как тупик, но интерпретировался как нечто эфемерное, причудливо-мистическое — уж точно. И оказалось, что в этих, казалось бы, несбыточных мечтаниях Н.Ф. Федорова о воскресении всех умерших, о построении некоего царства справедливости и добра на земле для всех без исключения, в этом русском утопизме, есть основание и право на некоторое оправдание и спасение большинства живущих на земле.

Светлана Семенова проделала сложнейшую эволюцию и как ученый и как человек, но одновременно дала нам основания верить в то, что русская мысль еще не угасла в своем истинно оригинальном наполнении, и не должна она поэтому питаться какими-то остатками со стола западной философской и культурологической мысли.

Ее собственная жизнь и ее творчество также есть известное оправдание России в ее высшем духовном смысле.

* * *

Я начал эти скромные заметки с указания на тайну русского слова, ощущаемую еще в детстве, и которая чуть приоткрылась на долгом пути служения при нем. Но тем не менее, при углублении во всякую книгу, всегда

за скобкой остается какая-то часть текста с его заповедными местами, непонятными до конца героями, идеями автора, его стиля и языка, которые тебе не доступны по причине другого взгляда и другого подхода, и ты вынужден с благодарностью обращаться к опытам других людей, иных исследователей. Светлана Семенова стала для меня таким исследователем, благодаря которому я прикоснулся к проникновению в те тайны русской культуры и русской литературы, на которые я смотрел с иной стороны. Эти *понимания* резонировали друг с другом и становились частями громадного полотна, общей картины русской мысли. И за это духовное понимание также испытываешь к ней огромную благодарность.

И еще о чем хотелось бы сказать. Об особом чувстве исследовательского языка Светланы Семеновой. Русский язык до сих пор, так или иначе, но находится на пути выработки своего языка философской аналитики. На сегодняшнем этапе развития гуманитарной мысли, в том числе и на Западе, трудно довольствоваться языком Ф. Достоевского и Н. Федорова, В. Соловьева и Н. Бердяева, языком всей русской религиозно-философской мысли для объяснения современной культуры и цивилизации. Этот язык нуждается в известной модернизации. И не по примеру ухода в западную традицию вычленения однозначных и односмысленных структур, но по пути появления в этой языковой, дискурсивно-философской традиции современности, опирающейся на существующие опыты М. Бахтина и А. Лосева, С.С. Аверинцева и Г.Д. Гачева.

Мне представляется, что Светлане Семеновой это удалось. Она в определенном отношении переработала традиционный русский философский дискурс и наполнила его самым горячим, современным моментом.

Но и не это главное. Вопрос — откуда и как открылся вот такой тайник метафизических и духовных прозрений для человека, что невозможно объяснить простой ученостью. Это можно истолковать только через открытие Светланой Семеновой связи между теми смыслами мироздания и

существования человека, которые на самом деле существуют, но для абсолютного большинства людей просто непостижимы, и духом самого исследователя, бесстрашно смотрящего в глубинные тайны человека и побеждающего тем самым смерть в своем духовном усилии. Нам же остается память. Память о Светлане Семеновой.

Евгений Костин, доктор филологических наук, профессор